

Автор представлен членом Художественного совета **Евгенией Барановой**

Слово – это маленькая жизнь.
Приглядишься: она тебе мала.
Дай пришью оборку, не вертись,
не раскидывай свои крыла.
Если сильно хочешь улететь,
то к земле притянут словеса.
Слово – это маленькая плеть,
выплетаемая за глаза.
Половцы – они народ шальной,
чумовой, хотя и не зело.
Слово изреченное есть Ной,
выпущенный Богом под залог.
Лодка, в коей лошадь (и не то...) –
только паззлы для его игры.
Слово – для тебя оно ничто,
а для рыбы было бы – прорыв!
Может, только если в Рождество
у Китайской коляднешь стены,
ты поймешь, что слово – это «ввод»
на клавиатуре Сатаны.
Я тебя запомню навсегда
с расточками в буйном парике.
Слово – лодка? Нет, оно вода.
Сколько лодок во моей реке
кануло... А сколько унеслось
в неизведанные миражи...
Слово изреченное есть лось.
А неизреченное – зажим
времени на плавнике леща,
выпущенного ученым в пруд.
Слово – это маленькое сча...
с! И догонят, и еще дадут
половцы... Да хватит уж о них!
Печенеги – тоже ого-го!
Слово изреченное есть миг
между ничего и ничего.
...Нем о той, что мучит немотой,
тише, Ной, убитый тишиной.
Слово – это маленькое то,
что большое людям не дано.

Зимняя Кришня

Давай, Заратустра, зараза, колись:
куда мне пойти, чтоб хоть где-то остаться?
Христа, твоего по профессии братца,
я слушала долго, но вот разобраться
в его письменах не смогла. Будто слизь,

сосульки болтаются на бельевых
веревках: зима подползла незаметно.
И так симметричны, как смыслы в приметах
народных, тела круглобоких, монетно-
холодных, вонзающих угли под дых

чудных идолиц, не готовых прожить
и дня, но силком отправляющих память
в ту степь, где не знало послушников пламя
твое, Заратустра. Безвременный камень
его заменял. Высекали ножи

сведенные длани, безрадужный зрак.
И холод монетный не плавил зной,
рожденные долгою сушью степною,
которая может быть помнящей Ноя
в своей долготе... Заратустра, ты прав:

огонь – веселей и теплей, и еще
дешевле, душевней, душистей, душнее.
Я здесь остаюсь. За стеклом – стекленеет.
И скользкие когти слюды, цепенея,
скребутся туда, где уже горячо.

В глухом провале собственного дна
все «он» – один, а все «она» – одна.
Быть вместе – только прикоснуться дном
ко дну, – для утверждения в одном,
известном, но забытом:

«вместе» – нет.

Есть только дно от «вместе», а на дне –
попыток недопытанных обрыв-
ки, памяти гноящийся нарыв,
а то и рана, тонко скрытый шрам...
Где дно за дно задело – это вам
не поцелуй, не двух бокалов звон.
Здесь звук другой: проржавленный

«беззз-доннн»),

«беззз-дннна»),

«беззз-дннни»),

«беззз-годы»),

«беззз-всегда»...

...верна...

...верни...

...Холодная вода

у дна, темна, мутна, безжизна, но –
нет «вместе», если не познали дно
друг друга – и не вырвали на свет
крик ужаса...

В глубинах – «вместе» – нет.

В глухом провале собственного дна
оно одно: – о, дно!

Один.

Одна.

Черная, тонкая, нежная лошадь...
Грива – что небо под грозным крестом,
взор – многозначно-расплывчатый роршах,
тело – бывало, видать, под кнутом...

Ну-те дрожать!.. Коль тебе непривычны
ласки – ударю! – видать, знакомей...
Я, бишь, не князь – не боюсь волховичьих
чар: из глазниц выползающих змей.

Реминисценция... Времени стремя...

Выйдем же, милая, в поле вдвоем!

...медленномедленномедленно сщемит
небо меж тучами бледный проем,
и – по тебе: по глазам непроглядным,
по волосам дожделивей дождя, –
покатом, рокотом, роскатом жадным
лето пропляшет!.. а чуть погода,
выложившись, как цыганка для графа,
бубен отбросит и сядет к ногам...

Милая! Затхлых сартреющих кафок,
видишь ли, пыль разгребать – тоже нам,
но не сейчас – перебить черных кошек
всех подчистую – не хватит колов.

...рыжая женщина – черная лошадь...

Милая, где загулял наш Брюллов?

Комугда

*В мире есть трое ненасытных:
смерть, пустыня и женское лоно.
Арабская философия*

Кто Комугде не даёт, тот безданно сгинет.
Солнце белое моё, я твоя пустыня!
Паранджа мне не идет, куфия тем паче.
Принеси мне небосвод – расфасуем в пачки.
Их павэсым на вэрблюд – и по каравану.
Кошельки – пещерный люд: не берут нирваной.
Нет бы просто, как балет, сквозь пустыню клином...
Сколько надо было лет, чтоб её покинуть!
Сорок или сорок два – ох, ненасытима!
Сколько надо было вас для её интима!
Сколько смерти, рождества... И опять брюхата:
из ложесен – голова, а в зубах граната.
Сколько надо было спин, плёток, нефти, шёлка,
чтоб единственный один истину нашёл там –
да вскричал ей: «Гюльчатаяй, ой, закрой скорее!
Ты огромна, как Китай бедного еврея,
ты прекрасна, как глаза древних моавитян,
потому я только за, что конец не виден...».
Вот такие, брат, дела под аллахобогом.
Рядом скачет Абдулла на коне трехногом.

Интернететы – интернаты
беспризорных душ.
От зарплаты до расплаты:
кукиш, а не куш.

Интернететы – интервенты
вскроенных голов.
На обрывочке френдленты
провисает шов

между буквою печатной
и судьбой самой.
Я люблю тебя, мой чатный,
неначитный мой...

Квадратноголовый даун
ластится в глаза...
Интер-нет не интер-да, он
просто так не за-

-лечит, -гладит, -рубит, -травит,
-грузит, -ворожит,
он потребует управы
на самоё жи-

знеутробные запасы,
психовиражи.
Милый, ты ль не асьный ас и
ты ль не Вечный ЖЖид?

Интернет... Из интердевок
в интерпацаны...
Яблоко для интерЕв от
интерСатаны.

Он, лукавый интертихрист,
предлагает торг,
чтоб любить тебя, мой тигр из
ru.ua.net.org.

Интернететы – интраверты
экстравертогра-
да. Возлюбленный, поверь, ты –
лучшая игра

в прятко-салко-догоняло-
во по всей сети.
Интернететы – инферналы...
Господи, прости.